

ИСЛАМСКИЕ МОНАРХИИ, «МОЛОДЕЖНЫЙ БУГОР» И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ. КРОСС-НАЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Алина Александровна Хохлова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Андрей Витальевич Коротаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

Результаты проведенного исследования демонстрируют, что монархические режимы в исламских странах оказывают стабилизирующий эффект на социально-политическую динамику. Показано, что в этих политиях «молодежный бугор» выступает скорее опорой для режимов, нежели дестабилизирующей силой, как это наблюдается для большинства других государств мира. Объяснением этому служит тот факт, что в отличие от немонархий монархические режимы в значительной степени используют в своем нарративе и практике специфические аспекты исламской доктрины, апеллирующие к культурному, социальному и политическому идеалу исламского общества с атавистическими и символическими концепциями. Тем самым они лишают исламистскую оппозицию серьезной части поддержки, как это нередко наблюдается в республиках с мусульманским большинством, где молодежь, как правило, становилась ударной силой исламистских движений.

Среди факторов социально-политической дестабилизации 2011–2013 гг. в арабских странах особое внимание некоторыми авторами уделялось структурно-демографическим проблемам стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) (см., например: LaGraffe 2012; Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б), с этими вызовами в начале XXI в. сталкивались как республики (Коротаев, Зинькина 2011а;

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-311-90004).

2011б), так и монархии (см., например: Gause 1997: 146; Katz 2004). При этом Арабская весна привела к падению режимов в четырех республиках, в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене, а также к полномасштабной гражданской войне в Сирии, в то время как все монархические режимы региона сумели выстоять эпоху серьезной турбулентности.

На то, что монархическая форма правления отрицательно коррелирует с уровнем социально-политической дестабилизации в БВСА, стали обращать особое внимание в последние годы. Работой-локомотивом по количественному изучению влияния монархии на уровень социально-политической дестабилизации арабских обществ стало исследование В. Меналдо (Menaldo 2012). При этом в его количественном анализе не был учтен фактор «молодежного бугра», из демографических переменных исследователь ограничился лишь численностью населения. Эффект «молодежного бугра» в модели влияния монархической формы правления на уровень социально-политической дестабилизации в БВСА не был учтен и в последующих исследованиях, хотя широко известно, что «молодежный бугор» является сильным предиктором социально-политической дестабилизации в мире (см., например: Билюга и др. 2019; Mesquida, Wiener 1996; Urdal 2004). Возникает вопрос: как влияет «молодежный бугор» на уровень социально-политической дестабилизации в монархиях БВСА?

Проведенные в предлагаемой работе тесты показывают, что теория В. Меналдо об «арабской монархической исключительности» может быть дополнена и расширена тем, что не столько «ближневосточный», сколько «исламский» монархический фактор на кросс-национальной выборке является предиктором социально-политической стабилизации. Более того, мы показываем, что «молодежный бугор» в исламских монархиях не имеет той дестабилизационной силы, которая свойственна ему в других политиях мира. Эта причинно-следственная связь объясняется тем, что исламские монархические режимы лишают исламскую оппозицию части поддержки ввиду исламского характера проводимой ими политики, что не дает оппозиционным исламистским силам выдвинуть против них претензии в «неисламском» правлении. Ввиду того, что основной аудиторией исламистских организаций является молодежь, а молодежное население исламских монархий меньше под-

вержено их влиянию, нежели в немонархиях БВСА, молодое население монархических политий оказывает меньший дестабилизирующий эффект, чем в других государствах с иными формами правления.

Структурно-демографические факторы социально-политической дестабилизации

Тема политической стабильности автократий привлекает достаточно широкое внимание. В основном данные исследования являются количественными и кросс-национальными, в этих исследованиях причины стабильности автократий видят в технических или институциональных аспектах режимов (Tansey *et al.* 2017; Bader, Faust 2014; Bader 2015), либо в экономических показателях (Ezrow, Frantz 2011; Escriba-Folch *et al.* 2015). Предполагается, что размер правящей коалиции определяет группу, на которую они работают, – либо они преследуют интересы узкого круга лиц, либо интересы большинства населения. Также отмечается, что чем меньше правящая коалиция, тем хуже для нее оборачивается проводимая ею «хорошая политика» и лучше «плохая политика» (de Mesquita *et al.* 2003). Инсайдерские коалиции также разделяются на группы по типам режимов: военная хунта, однопартийное государство либо персонализированное диктаторство (Geddes 2003). Другие исследователи фокусируются на механизмах, с помощью которых диктаторы получают и поддерживают лояльность сторонников, чтобы удержать власть (Gandhi, Przeworski 2006; Magaloni 2008).

Что касается механизмов выживания монархий БВСА, то известно, что политическая устойчивость этих политий обеспечивается институционализированными методами борьбы за власть среди круга лиц, входящих в правящие семьи (Herb 1999). Отмечается, что члены правящих семей этих государств сумели монополизировать правительственные министерства и государственный бюрократический аппарат, что упрощает распределение ренты среди элит, способствует кооперации и консенсусу среди них (*Ibid.*). Отмечается, что монархический режим в Иране не смог снести натиск революции в 1979 г., потому что члены королевской семьи были отстранены от должностей в правительстве, что в результате ослабило шансы режима на выживание в критический период (*Ibid.*).

Среди политических и экономических вызовов политий структурно-демографические факторы занимают существенную нишу. Рост числа населения стран может быть связан с высоким уровнем рождаемости либо миграцией, с чем неприспособленный государственный институт может не справиться, что приводит к политической дестабилизации (Merritt 1995).

Дж. Голдстоун в своей работе отмечает, что общий рост и плотность населения как отдельные переменные не могут быть предвестниками политических рисков, но ими могут стать отдельные демографические группы и разновекторность их развития с экономикой. Так, он приводит пример роста рабочей силы в медленно растущей экономике, рост доли образованного молодежного населения (так называемый «молодежный бугор») и непропорциональное численности молодежи количество соответствующих ее квалификации рабочих мест (Goldstone 1991; 2002).

Непропорциональный экономическому росту численности отдельных демографических групп называется причиной дестабилизации в ряде кейсовых и кросс-национальных исследований. Так, например, М. Фаур определял примерно равную численность суннитов и шиитов в населении Ливана до начала Арабской весны в качестве важнейшего фактора политической стабильности страны (Faour 2007). Большая же часть исследований о влиянии роста доли демографических групп на политическую дестабилизацию посвящена феномену «молодежного бугра».

Многие авторы указывают, что такие глобальные социально-политические события, как установление нацистского режима в Германии в 1933–1945 гг., подъем коммунистических движений в период холодной войны в 1947–1991 гг., европейский колониализм, а также Английская гражданская война 1640–1660 гг. и Великая французская революция 1789–1799 гг., могли быть спровоцированы «молодежными буграми» – увеличением доли молодежи в общей численности населения в стране (Moller 1968; Goldstone 1991; Heinsohn 2003). Другие исследователи сообщают о том, что молодежь сыграла значительную роль в прошедших революциях и протестах (Mesquida, Wiener 1996). Г. Урдал говорит о безработном «молодежном бугре» как предикторе нестабильности политической системы при условии слабой экономики (Urdal 2004). В более поздней работе он уточняет, что безработица среди молодежи при

экономическом спаде приводит к дестабилизации. Он отмечает: «Чтобы избежать нестабильности и насилия, основное внимание должно быть сосредоточено на улучшении экономических возможностей для молодежи, в частности – путем предоставления молодым людям условий для трудоустройства или получения образования в период экономического спада» (Urdal 2012: 9).

Арабская весна 2011–2013 гг. и прочие катаклизмы начала XXI в. побудили к выдвижению новых теорий – теорий постмальтузианских ловушек (Коротаев и др. 2011; Гринин 2014). Исследования показывают, что политическая турбулентность в арабских странах 2011–2013 гг. стала результатом ловушки на выходе из мальтузианской ловушки (Коротаев, Халтурина и др. 2011; Коротаев, Ходунов и др. 2012; Korotayev *et al.* 2011). «Молодежные бугры», спровоцированные быстрым снижением младенческой и детской смертности на Ближнем Востоке вследствие экономического подъема в этих странах во второй половине XX в., могли являться существенным фактором массовых восстаний во всем регионе (Там же). К похожим выводам также приходит и Д. ЛаГраффе, который утверждает, что появление «молодежного бугра» в Египте в том числе привело и к Арабской весне (LaGraffe 2012). Еще за десятилетия до турбулентности 2011–2013 гг. С. Хантингтон утверждал, «молодежный бугор» в арабских странах есть причина радикализации исламской религии, подчеркивая, что ислам как религия сопряжен с насилием не больше, чем остальные религиозные культуры. Однако взлет рождаемости в исламских странах, который пришелся на 1960–1970 гг., привел к появлению в конце века «молодежных бугров» в этих государствах, что вызвало распространение молодежной террористической активности на религиозной почве (Хантингтон 1996).

К. Мескида и Н. Винер пишут о том, что в странах с выраженными «молодежными буграми» жестокость конфликтов выше, как и вероятность возникновения политического насилия (Mesquida, Wiener 1996). К тем же выводам приходят и другие авторы, которые полагают, что в странах с высокими темпами роста молодого городского населения вероятность избежать крупных политических потрясений с числом жертв более 100 000 человек равняется одному к четырем (Коротаев, Халтурина и др. 2011: 289).

В работе С. Э. Билюги и соавторов отмечается, что «молодежные бугры» значимо коррелируют также с такими явлениями социально-политической дестабилизации, как политические убийства, террористические атаки, партизанские действия, перевороты и попытки переворотов. Значимая корреляция была выявлена также с интегральным индексом социально-политической дестабилизации и количеством жертв террористических атак. Это позволяет сделать вывод о том, что явления социально-политической дестабилизации, в которые вовлечены молодые люди, оказываются более кровавыми (Билюга и др. 2019).

Таким образом, в проанализированных нами работах показано, что, как правило, рост доли молодежи в населении является предиктором роста уровня социально-политической дестабилизации, причем часто и насильственного характера.

Что касается исследований о влиянии демографических факторов на уровень социально-политической дестабилизации в монархиях, то некоторый вклад в исследование этой проблематики и значимый вклад в разработку проблемы стабилизационного потенциала монархической формы правления в БВСА внес В. Меналдо (Menaldo 2012). В его исследовании на выборке арабских монархий с 1950 по 2006 г. бинарная переменная монархических страно-лет оказывается значимой отрицательной для уровня социально-политической дестабилизации. Отрицательные корреляции между монархией и уровнем социально-политической дестабилизации оказываются значимыми при введении в уравнение других переменных, включая демографическую переменную «логарифм численности населения», при этом сама переменная населения оказывается незначимой (Menaldo 2012: 713). Однако в его количественном анализе не был учтен фактор «молодежного бугра», из демографических переменных исследователь ограничился лишь численностью населения. Позже появились другие количественные исследования, связывавшие монархическую форму правления с политической стабилизацией в БВСА, однако и там фактор «молодежного бугра» учтен не был (Bischof, Fink 2015; Moller 2019).

Таким образом, можно отметить, что в литературе существует достаточное количество работ, указывающих на неоспоримую связь между ростом доли молодого населения и ростом уровня социально-политической дестабилизации. Однако существует пробел

в исследовании влияния «молодежного бугра» на уровень социально-политической дестабилизации в монархиях БВСА.

Теория и гипотезы

Монархия является особой формой правления с особой политической культурой. В отличие от демократий, где институты и уровень их развития определяют повестку социально-политического и экономического развития и служат сдерживающей силой, а право вето дает меньшинствам возможность контролировать эти процессы, в недемократиях эти роли играет политическая культура. По факту, все ближневосточные и мусульманские монархии не являются консолидированными демократиями (единственная исламская монархия, которая классифицируется как частичная демократия в *Polity5*, это Малайзия)¹. Предполагается, что в автократиях политическая культура указывает на эпистемологические и институциональные ориентиры, организует координацию элит и определяет санкции, что в совокупности укрепляет социальные нормы в авторитарных условиях. Монархическая политическая культура стран БВСА, помимо предоставления гарантий на защиту политических прав и интересов местных элит, культивирует доверие и легитимность среди простых людей, в том числе благодаря клановости и исламским принципам (Menaldo 2012: 711–712). Разделенное признание прав правящей семьи среди элит, особенности распределения высших государственных должностей и экономических рычагов среди них, а также существование институтов, облегчающих контроль элит над действиями правящей семьи, позволяют элитам создавать общее знание в кругах режимных инсайдеров (Myerson 2008). Таким образом, установленные режимными инсайдерами системы перераспределения в кругах правящей семьи и элит общества вносят вклад в политическую стабильность режима, делают режимы более эффективными.

¹ Стоит отметить, что существенные успехи в либерализации режимов были достигнуты в двух арабских монархиях, Марокко и Кувейте, при этом их режимы остаются после Арабской весны 2011–2013 гг. лишь «частично-свободными» в категориях *Freedom House* (см.: Хохлова 2020). Индексы *Polity5* при их пересчете по системе Дж. Голдстоуна и др. (Goldstone *et al.* 2010) позволяют рассматривать Иорданию, Кувейт, Марокко и Оман как частичные автократии, а Бахрейн, Катар, ОАЭ и Саудовскую Аравию – как полные автократии.

Незадолго до Арабской весны А. Биллингсли писал, что в арабском обществе в целом сложилась антипатия к любому роду политической нестабильности и даже традиционная толерантность к авторитарному правлению (Billingsley 2009: 3). Он также отмечал, что для арабских стран характерны два фактора, которые во многом определяют стабильность политических режимов в регионе: трайбализм и ислам (*Ibid.*). По прошествии двух лет с момента публикации исследования А. Биллингсли стало очевидно, что подобные заключения выглядят убедительно с существенными оговорками и пояснениями: именно суннитский ваххабитский ислам, характерный для всех аравийских монархий², доказал свою состоятельность в деле стабилизации политических режимов³, тогда как *ихванский* ислам, который характеризуется как более либеральный и реформаторский, проявил себя как дестабилизирующая сила как в немонархических Тунисе, Египте, Сирии и Ливии, так и в монархических Марокко и Иордании⁴. При этом Саудовская Аравия и ОАЭ рассматривают *ихванский* ислам как дестабилизирующую силу и ведут с ним ожесточенную борьбу (Хайруллин, Коротаев 2018).

² Стоит отметить, что Катар, чьим основным оружием «мягкой силы» является политический канал «Аль-Джазира» (сыгравший немалую роль в синхронизации волн революций в арабском мире), имеет статус ваххабитской монархии. Этот факт был подтвержден основателем современного государства Шейхом Джасимом (Zahlan 2016: 54), но в 2011 г. катарское правительство поддерживало «Братьев-мусульман» с целью установления в связке с Турцией своей региональной гегемонии (Steinberg 2014: 67; Хайруллин, Коротаев 2018), при этом катарское руководство достаточно жестко ограничивает деятельность «Братьев-мусульман» на домашней внутривнутриполитической арене.

³ Надо отметить, что в Омане большая часть населения является ибадитами – это наиболее умеренная из четырех основных хариджитских общин, которая многое заимствовала у суннитов.

⁴ В отличие от аравийских монархий, в Марокко и Иордании лидирующей оппозиционной силой 2011 г. являлись *ихванские* исламисты. В Марокко *ихванская* Партия справедливости и развития впервые выиграла большинство мест на парламентских выборах в 2011 г., а премьер-министром по новой конституции стал ее лидер А. Бенкиран. При этом сам лидер партии заявлял, что король Мухаммад VI – его «начальник» (см., например, Tomé-Alonso 2018: 1). В Иордании «Братья-мусульмане» выступили основными организаторами протестов в начале 2011 г., резко усилили свое влияние и даже получили предложение войти в правительство, но отказались от него (Хайруллин, Коротаев 2018). Впоследствии они бойкотировали парламентские выборы 2013 г.

Роль ислама в формировании режимов исламских монархий Малайзии и Брунея нельзя переоценить. При этом роль трайбализма как стабилизирующей силы в арабских обществах в этих странах выполняет «малайство». Существующие работы, посвященные легитимности азиатских монархий, отмечают, что легитимность местных правителей базируется на исламе и «малайстве» (*malayness*) как малайской идентичности, которая в Брунее развилась во второй половине XX в. в концепцию «Мелаю-Ислам-Бераджа» («Малайская исламская монархия») (Talib 2002; Schottmann 2006).

Таким образом, *первая гипотеза заключается в том, что не только ближневосточные, но в целом исламские монархии являются в определенном степени гарантиями сглаживания угроз социально-политической дестабилизации.*

Второе теоретическое объяснение связывает разновекторность влияния доли молодого населения на уровень социально-политической дестабилизации в исламских монархиях и других политиях. Корень этой связи лежит: 1) в монополии правящих в монархиях режимов на воплощение исламской идеологии; 2) особенностях образовательных программ, в рамках которых воспитывалось поколение, сыгравшее главную роль в Арабской весне.

Что касается идеологии, то представляется возможным констатировать, что в БВСА «исламизм» монархий, во-первых, является победившей в противостоянии с национализмом идеологией.

Примерно со Второй мировой войны во всем арабском мире начался процесс интеграции под знаменем арабского национализма, имевшего недолгий расцвет в 1950-е и 1960-е гг. Шестидневная война 1967 г. серьезно ослабила силы арабской националистической коалиции, а нефтяной бум в аравийских монархиях и рост их престижа в арабском мире привел многих арабов к окончательному разочарованию в идеях арабского национализма и социализма (Хайруллин, Коротаев 2017). Однако важные элементы национально-секуляристической идеологии продолжали играть существенную роль в жизни арабских республик. Р. Снайдер отмечает, что после развала СССР в 1991 г. в бывших социалистических странах БВСА образовался идеологический вакуум, который, по его мнению, запоздало привел к феномену 2011 г.⁵ В отличие от этих по-

⁵ Впрочем, это никак не может объяснить, скажем, кейс Туниса, где началась Арабская весна, поскольку правительство как Бургибы, так и бен Али ни в какой сте-

литий монархии региона никогда не ассоциировали себя со светскими режимами арабских националистов, даже противопоставляли себя революционному национализму республик, что в долгосрочной перспективе способствовало их выживанию (Snyder 2015). Таким образом, исламские монархии являются носителями «победившей традиционной идеологии».

Во-вторых, то, что существующие монархии БВСА в той или иной степени являются исламскими, снижает уровень политической дестабилизации, так как в периоды кризиса эта особенность существенно препятствует ведению исламистской оппозицией борьбы против них под лозунгами установления справедливого исламского правления, так как эти монархии и без того позиционируют себя как исламские. При этом стоит подчеркнуть, что в ходе событий начала 2010-х гг. именно оппозиционные исламисты оказались главной дестабилизирующей силой (значительно превосходящей по своей эффективности секуляристские оппозиционные силы) (Grinin *et al.* 2019).

Монархические режимы используют в своем нарративе и практике специфические аспекты исламской доктрины, апеллирующие к культурному, социальному и политическому идеалу исламского общества с атавистическими и символическими концепциями, такими как концепция о справедливом обществе, о возрождении Халифата, о воплощении норм шариата в жизнь, что в совокупности наделяет режимы религиозным правом на власть (Wiktorowicz 2004: 16), а также не дает оппозиционным исламистским силам в полной мере использовать против них обвинения в «неисламском» правлении. Дж. Джоффе в своей работе демонстрирует работу этого механизма на примере Марокко, где марокканская правящая семья претендует на воплощение концепции Халифата в жизнь, тем самым доминируя во внутреннем исламском дискурсе над непризнанным исламистским Движением справедливости и благочестия или официально зарегистрированной Партией справедливости и развития (Joffé 2011: 516).

С. Хантингтон отмечал, что «студенты и интеллигенция становились воинствующими силами и ударными частями исламистских движений» (Хантингтон 1996: 168), он подчеркивал, что именно

пени не придерживались просоветской ориентации, в то время как Египет отошел от просоветской ориентации еще в 1970-е гг.

молодежь «обеспечивает новыми кадрами исламистские организации и политические движения» (Хантингтон 1996: 178). В конце XX в. исламские оппозиционные движения сумели монополизировать или просто занять преобладающие позиции в оппозиционных движениях мусульманских обществ, что отчасти упрощалось слабостью альтернативных источников оппозиции (Там же: 170). Вместе с тем можно предположить, что к 2011 г. исламская оппозиция в монархиях не пользовалась такой же популярностью, как в немонархиях, ввиду того, что оппозиционные исламисты в монархиях не являлись единственными политическими субъектами, ратовавшими за воплощение «справедливого» исламского правления, деля эту прерогативу с правящим режимом. Таким образом, то, что все монархии БВСА используют в своем нарративе и практике в той или иной степени специфические аспекты исламской доктрины, в заметной степени лишает оппозиционных исламистов их идейного веса и поддержки среди основной аудитории – молодежи, что снижает дестабилизационную активность «молодежного бугра» в этих политиях.

Что касается особенностей образовательных программ, то во второй половине XX в. и до событий 2011 г. в арабских странах проводилась разновекторная образовательная политика в рамках двух разных идеологических курсов. С. Хантингтон отмечал, что «в попытке сдержать рост исламистских тенденций правительства начали развивать религиозное образование в контролируемых государством школах, где часто стали преобладать исламистские учителя и идеи, а также увеличили помощь, оказываемую религии и религиозным образовательным учреждениям» (Хантингтон 1996). При этом разница в подходах к исламскому образованию в монархиях и немонархиях очевидна.

В арабских монархиях важной частью образования молодежи является религиозное образование, преподаваемое в государственных учебных заведениях. Достаточно специфическая политическая культура, а вместе с этим – образовательная политика характерны для марокканского королевства. Легитимность марокканского короля основывается на многочисленных статусах: он является прямым потомком пророка Мухаммада, по с. 41 конституции 2011 г. повелителем верующих, и что не менее важно – единственным во всем мусульманском арабском мире монархом, стоявшим во главе

движения за независимость страны в первой половине XX в. Здесь улемы работают на махзен⁶, а тот, в свою очередь, контролирует работу мечетей через спецслужбы. В Марокко существенное внимание уделяется религиозной части образовательной программы школьников. Король позиционирует марокканское общество народом умеренного ислама, что пропагандируется в школах через литературу и даже комиксы, здесь на школьной скамье основное внимание уделяется разделению умеренного ислама и экстремистского, критикуется экстремизм «Аль-Каиды» и ИГИЛ (MacMillan 2017: 60–61).

В Саудовской Аравии контроль над образовательным аппаратом помимо политического истеблишмента имеют и улемы (хотя саудовское руководство в последнее время от них дистанцируется [см.: Косач 2019; 2020]). Внутри страны государственное образование является основным средством поддержания идеологического контроля (MacMillan 2017: 41). Учебный план в государственных школах страны определяется «обеспечением сохранения религиозных основ режима, поддержания ислама как главного легитимизирующего источника правящей семьи Аль Сауд» (Prokop 2003: 79). М. Прокоп отмечает, что на всех уровнях образования в королевстве религиозному сектору уделяется внимание: от школьного до университетского. Для наглядности она приводит статистику: в школе на разных этапах обучения религиозные классы составляют 24–35 % всей образовательной программы, когда в университетах – до 45 % (*Ibid.*). Фактом также является то, что в учебных книгах королевства лояльность к власти приравнивается к гражданской обязанности (*Ibid.*: 79). Лояльности и послушанию молодежь учит не только по отношению к Богу и правящей семье, но и к учителям, и старшим главам семей, что отражается не только в формальном образовательном секторе, но и через неформальные каналы: семьи, медиа и мечети (*Ibid.*). Образовательный сектор в королевстве Саудов стабильно довольствуется наибольшими дотациями со стороны государства в арабском мире: в то время как в среднем на сектор приходится 13–15 % государственного спонсирования на 2000–2010 гг., по арабским монархиям БВСА этот показатель доходит до 21 % в Саудовской Аравии (World Bank 2020).

⁶ «Махзен в настоящее время представляет собой специфический марокканский этатический аппарат» (Желтов В., Желтов М. 2015: 141).

Предполагается, что образовательная политика в Саудовской Аравии послужила примером для проведения подобной политики в других странах Залива, хотя улемы в них играют разные по значимости политические роли. В исследованиях отмечается, что в шести монархиях Персидского залива в учебных программах школ и колледжей традиционно доминировали классы по религии и арабистике (Abir 1988: 55; о роли ислама в социализации молодежи в арабских монархиях см.: Alharbi 2017; Marghalani 2017; Boyle, Boukamhi 2017). В Малайзии сфера исламского образования почти полностью окрашена политикой. Административная централизация и жесткий контроль содержания исламских учебных программ оправдываются укреплением патриотизма, национального единства и защитой ислама (Abdul Hamid 2017: 758–759). Исследование А. бин Хаджи Маила и соавторов, посвященное истории и развитию исламского образования в Брунее с начала XX в. до обретения независимости в 1982 г., указывает на то, что с течением времени исламское образование становилось все более формальным и организованным, классы по религии и число студентов стабильно росли (bin Haji Mail *et al.* 2019). Исследования по исламскому образованию в Брунее после независимости подчеркивают, что исламское образование в стране сохраняет прежнюю тенденцию развития (см., например: Lubis *et al.* 2009; Pg Haji Muhammad 2010).

Данная теория поддерживается существующими исследованиями о характере демонстраций молодежи во время Арабской весны в монархиях БВСА. Например, отмечается, что иорданская молодежь во время дестабилизации ратовала за проведение перемен в стране, при этом была скована боязнью дестабилизации (Harris 2015). В исследовании М. Харрис отмечается, что политическая дестабилизация в Египте и Сирии служила наглядным примером для иорданской молодежи, которая не желала подобных последствий на домашней арене.

В отличие от арабских монархий, многолетний опыт секуляризации в немонархиях привел к тому, что доля религиозного образования в общем государственном образовании была снижена, вместо нее молодежь на школьной скамье обучали секулярным арабским националистическим и некоторым западным универсальным ценностям. Например, в Тунисе, в государстве, где началась Араб-

ская весна, образовательная система пропагандировала общие ценности равенства, толерантности и социальной справедливости (Faouf 2012). Количество академических часов, посвященных религиозному образованию в школах Туниса, сводилось к часу в неделю (*Ibid.*). В Сирии до 2011 г. школьники имели право выбирать, какую религию им изучать (исламскую или христианскую). При этом религиозным урокам в Сирии отводилось два часа в неделю на протяжении всего школьного обучения, а по итогам выпуска незачет по этому предмету не препятствовал дальнейшему прохождению в высшие учебные заведения, что указывает на низкую значимость данного предмета для дальнейшей учебы в общем перечне образовательных программ (Landis 2003).

Таким образом, в ближневосточных странах складывались две совершенно разные молодежные религиозные политики в зависимости от формы правления. В то время как в более секулярных республиках на школьной скамье пропагандировались секулярные арабские националистические, социалистические и некоторые западные универсальные ценности, в более традиционных арабских монархиях существенное внимание уделялось воспитанию лояльности к власти через религиозные классы.

В результате вторая теория формулируется следующим образом: *особые претензии на воплощение справедливой исламской идеологии⁷ у правящих режимов вкупе со значимостью исламского образования в этих политиях снижают дестабилизационный потенциал «молодежного бугра» в исламских монархиях.*

Таким образом, мы предполагаем, что, исходя из первой теории, исламские монархии будут отрицательно коррелировать с интенсивностью социально-политической дестабилизации. Вторая гипотеза, сформулированная на основании второй теории, заключается в том, что в исламских монархиях молодое население благодаря особенностям идеологий, политическим механизмам и образовательному сектору во второй половине XX в. склонно к меньшей дестабилизационной активности по отношению к правящим режимам, чем в других политиях мира.

⁷ Победившей в противостоянии с секуляристскими идеями республик.

Методы и материалы

Хронологические рамки этой работы охватывают период с 1950 по 2015 г., ввиду того, что для периода после 2015 г. отсутствуют данные по ряду необходимых показателей. Источниками данных по доли молодого населения в общей численности населения, общей численности населения, доли городского населения и средней продолжительности образования послужила статистика ООН (UNPD 2020a; UNDP 2020b), показатели экономического роста были взяты из базы данных Всемирного банка (World Bank 2020), показатели ВВП на душу населения были заимствованы из базы данных проекта А. Мэддисона, представленных в наборе данных V-dem (Bolt *et al.* 2018; Coppedge *et al.* 2020). Показатели социально-политической дестабилизации, а именно интегральный индекс социально-политической дестабилизации, был получен из базы данных CNTS (Banks, Wilson 2020). Переменная, отвечающая за тип политического режима, является бинарной, где единицей закодированы частичные и полные демократии по Дж. Голдстоуну (Goldstone *et al.* 2010).

К 2020 г. следующие 10 монархий можно считать исламскими: Бахрейн⁸, Бруней⁹, Иордания¹⁰, Катар¹¹, Кувейт¹², Малайзия, Марокко¹³, Оман¹⁴, ОАЭ¹⁵, Саудовская Аравия¹⁶. Мы вынуждены ограничиваться годами после получения соответствующими монархиями полной независимости, так как до этого момента базы данных обычно не содержат информации по этим политиям.

К примеру, Султанат Бруней получил полную независимость от Великобритании в 1984 г. (и будет учитываться в тестах с этого го-

⁸ Данные по этой стране учтены с 1971 г., года получения полной независимости.

⁹ С 1984 г.

¹⁰ Иордания формально обрела полную независимость от Великобритании в 1946 г.

¹¹ С 1971 г.

¹² С 1961 г.

¹³ С 1956 г.

¹⁴ Оман формально никогда не являлся протекторатом Великобритании, поэтому в данном исследовании считается независимой страной на протяжении всего исследуемого периода.

¹⁵ С 1971 г.

¹⁶ Формально считается, что Саудовская Аравия была образована в 1932 г., страна никогда не была колонией, поэтому в данной работе считается независимой политией на протяжении всего исследуемого периода.

да), несмотря на то, что еще в 1959 г. местному султану были переданы исполнительные функции власти вместе с некоторой внутренней автономией, а полный внутренний суверенитет страна получила еще раньше – в 1971 г. (Talib 2002: 135). Но систематически Бруней стал учитываться в международных базах только с 1984 г., года формального получения полной независимости.

Другой кейс, который не вошел в выборку исламских монархий, – это Султанат на Мальдивах. Он существовал до 1953 г., когда была проведена реформа и государство получило статус республики, при этом полная независимость Мальдив от Великобритании наступила 26 июля 1965 г., то есть позже трансформации султаната в республику, следовательно, три «монархических» страно-года для Мальдив с 1950 по 1953 г. не включены в выборку в нашей работе. Исходя из той же логики, что в данной работе страна считается исламской монархией в случае ее полного суверенитета, в выборку не был включен ряд других страно-лет для других монархических политий.

Ввиду того, что наша выборка начинается с 1950 г., в анализ будут включены следующие шесть групп страно-лет: Афганистан (1950–1973 гг.), Египет (1950–1953 гг.), Ирак (1950–1958 гг.), Иран (1950–1979 гг.), Йемен (1950–1962 гг.), Ливия (1950–1969 гг.). Вместе с 10 нынешними исламскими монархиями эти 16 групп суммарно составляют 645 наблюдений.

Основным методом в данном исследовании является линейная МНК-регрессия, в работе также используются такие методы статистических сравнений, как *t*-тесты. Основная единица измерения – страно-год (страна *X* на год *Y*). Вслед за В. Меналдо, для нормализации зависимой переменной интегральный индекс социально-политической дестабилизации преобразуется в натуральный логарифм, как и некоторые другие контрольные переменные (Menaldo 2012: 712)¹⁷.

Тесты

Чтобы узнать, является ли исламская монархия предиктором социально-политической стабилизации, рассмотрим влияние перемен-

¹⁷ Вслед за В. Меналдо 0 приравнивается к 0,001 ввиду невозможности логарифмического преобразования нуля (Menaldo 2012).

ной «исламская монархия» на логарифм интегрального индекса социально-политической дестабилизации CNTS в линейном уравнении модели 1 Табл. 1 (см. Табл. 1).

Табл. 1. Влияние исламской монархии на уровень социально-политической дестабилизации (мир в целом, 1950–2015 гг.)

Переменные	Модель 1		Модель 2		Модель 3	
	Нестандарт. коэф. В	знч.	Нестандарт. коэф. В	знч.	Нестандарт. коэф. В	знч.
Константа	-0,587	<0,001	-17,569	<0,001	-15,720	<0,001
Исламская монархия	-2,104	<0,001	-2,388	<0,001	-2,203	<0,001
Доля населения 15–29 лет			3,881	0,084	10,736	<0,001
Средняя продолжительность образования			-0,203	<0,001	-0,024	0,609
Доля городского населения			0,042	<0,001	0,048	<0,001
Логарифм населения			1,861	<0,001	1,861	<0,001
Логарифм плотности населения			0,258	<0,001	0,348	<0,001
Логарифм ВВП на душу населения			-0,313	0,049	-0,628	<0,001
Рост ВВП, %			-0,096	<0,001	-0,092	<0,001
Демократия			-0,829	<0,001	-0,834	<0,001
Фиксированный эффект на годы	Нет		Нет		Да	
R^2	0,005		0,192		0,238	

Зависимая переменная – натуральный логарифм интегрального индекса социально-политической дестабилизации CNTS domestic 9. Выборка – все наблюдения.

Модель 1 демонстрирует, что исламские монархии в целом обладают стабилизационным потенциалом, при этом данная корреляция оказывается безусловно статистически значимой. Исламские монархии продолжают оставаться высоко значимым предиктором социально-политической стабильности и в Модели 2, куда были добавлены несколько контрольных переменных. В первую очередь это доля молодого населения, представляющего горючий материал для дестабилизационных процессов¹⁸; эта переменная ожидаемо положительно коррелирует с интегральным индексом социально-политической дестабилизации, при этом данная корреляция оказывается значимой при одностороннем тесте. Кроме этого использованы следующие контрольные переменные: среднее количество лет обучения, доля городского населения, численность населения и плотность населения, ВВП на душу населения, рост ВВП и тип политического режима. В Модели 3 был добавлен фиксированный эффект на годы; исламские монархии оказались по-прежнему высоко значимыми статистически предикторами в теоретически предсказанном направлении.

Таким образом, первая гипотеза нашего исследования находит свое подтверждение в эмпирической части: исламские монархии в целом обладают стабилизационным потенциалом при контроле на значимые социально-экономические переменные.

Переходим к проверке второй гипотезы, которая заключается в характере влияния «молодежного бугра» на уровень социально-политической дестабилизации в большинстве стран мира без исламских монархий и в исламских монархиях. В Табл. 2 представлены модели влияния «молодежного бугра» на политическую дестабилизацию во всех странах мира, кроме исламских монархий (см. Табл. 2).

Табл. 2. Модели влияния «молодежного бугра» на уровень социально-политической дестабилизации всех государств без учета исламских монархий (1950–2015 гг.)

Переменная	Модель 1		Модель 2	
	Нестанд. коэф. В	знч.	Нестанд. коэф. В	знч.
Константа	-18,205	<0,001	-15,953	<0,001

¹⁸ См., например: Moller 1968; Goldstone 1991; Heinsohn 2003.

Окончание Табл. 2

Переменная	Модель 1		Модель 2	
	Нестандарт. коэф. В	знч.	Нестандарт. коэф. В	знч.
Доля населения 15–29 лет	5,320	0,022	11,226	<0,001
Средняя продолжительность образования	–0,205	<0,001	–0,027	0,581
Доля городского населения	0,045	<0,001	0,050	<0,001
Логарифм населения	1,873	0,001	1,873	<0,001
Логарифм плотности населения	0,215	0,029	0,300	<0,001
Логарифм ВВП на душу населения	–0,264	0,122	–0,597	0,001
Рост ВВП, %	–0,098	<0,001	–0,090	<0,001
Демократия	–0,913	<0,001	–0,893	<0,001
Фиксированный эффект на годы	Нет		Да	
R^2	0,191		0,232	

Примечание: зависимая переменная – натуральный логарифм интегрального индекса социально-политической дестабилизации CNTS domestic 9. Выборка – все наблюдения, кроме исламских монархий.

Согласно Модели 1 Табл. 1, доля молодого населения в общей численности населения является статистически значимым предиктором социально-политической дестабилизации для всех стран мира без исламских монархий, что вполне соответствует теоретическим ожиданиям (см. в разделе «Теория и гипотезы» этой работы). В Модели 2 был добавлен фиксированный эффект на годы, что привело к заметному усилению силы и значимости корреляции между долей молодого населения и политической дестабилизацией. Данный результат еще раз подтверждает широко известное мнение, что «молодежный бугор» в целом является предиктором социально-политической дестабилизации.

Теперь сравним, как ведет себя переменная «молодежный бугор» на выборке исламских монархий. В Табл. 3 представлены модели влияния «молодежного бугра» на логарифм интегрального индекса социально-политической дестабилизации в исламских монархиях.

Табл. 3. Модели влияния «молодежных бугров» на политическую дестабилизацию исламских монархий (1950–2015 гг.)

Переменная	Модель 1		Модель 2	
	Нестандарт. коэф. В	знч.	Нестандарт. коэф. В	знч.
Константа	-11,615	0,140	-9,045	0,400
Доля населения 15–29 лет	-28,755	0,030	-1,733	0,903
Средняя продолжительность образования	-0,003	0,985	-0,058	0,771
Доля городского населения	-0,107	0,003	-0,052	0,183
Логарифм населения	1,059	0,007	1,075	0,022
Логарифм плотности населения	1,313	<0,001	1,266	<0,001
Логарифм ВВП на душу населения	0,702	0,129	-0,230	0,616
Рост ВВП, %	-0,106	0,011	-0,154	<0,001
Демократия	1,046	0,683	0,678	0,814
Фиксированный эффект на годы	Нет		Да	
R^2	0,196		0,326	

Зависимая переменная – логарифм интегрального индекса социально-политической дестабилизации CNTS domestic 9. Выборка – исламские монархии.

Очевидно, что влияние доли молодого населения в общей численности населения на уровень социально-политической дестабилизации в исламских монархиях отличается направлением корреляции по сравнению с тестом на кросс-национальной выборке без исламских монархий. Корреляция между долей молодого населения в общей численности населения и политической дестабилизацией оказывается отрицательной. При этом значимость корреляции остается примерно такой же, как и на кросс-национальной выборке без исламских монархий ($p=0.030$, когда на кросс-национальной выборке $p=0.022$). Более того, доля городского населения отрицательно коррелирует с логарифмом интегрального индекса социально-политической дестабилизации и при высокой значимости. Предполагается, что эти результаты, аналогичные поведению пе-

ременной «молодежного бугра», объясняются тем, что, как правило, в города уезжают молодые люди на учебу и заработки. Отметим, что при добавлении фиксированного эффекта (см. Модель 2 Табл. 3) корреляция между долей молодежи и политической нестабильностью для исламских монархий продолжает оставаться отрицательной, но становится статистически незначимой.

Таким образом, вторая гипотеза нашего исследования находит свое эмпирическое подтверждение: в отличие от остальных государств в исламских монархиях не наблюдается положительной значимой корреляции между долей молодежи и социально-политической дестабилизацией. Более того, эта корреляция оказывается в отрицательном направлении (хотя при добавлении фиксированного эффекта она становится незначимой).

Заключение

Проведенные в предлагаемой работе тесты показывают, что теория В. Меналдо об «арабской монархической исключительности» может быть дополнена и расширена тем, что не столько «ближневосточный» на выборке мусульманских обществ, сколько более традиционный для региона «исламский» монархический фактор на кросс-национальной выборке является предиктором социально-политической стабилизации. Результаты проведенного исследования демонстрируют, что монархические режимы в исламских странах оказывают стабилизирующий эффект на социально-политическую динамику этих стран.

Также показано, что в этих политиях «молодежный бугор» выступает скорее опорой для режимов, нежели дестабилизирующей силой, что наблюдается для большинства других государств мира. Объяснением этому служит тот факт, что в отличие от немонархий монархические режимы в значительной степени используют в своем нарративе и практике специфические аспекты исламской доктрины, апеллирующие к культурному, социальному и политическому идеалу исламского общества с атавистическими и символическими концепциями. Тем самым они лишают исламистскую оппозицию серьезной части поддержки, как это нередко наблюдается в республиках с мусульманским большинством, где молодежь, как правило, становилась ударной силой исламистских движений. Вносит вклад и особенность проводимой исламскими монархиями молодежной религиозной политики.

Библиография

- Билога С. Э., Романов Д. М., Халтурина Д. А. 2019.** Молодежная составляющая взрослого населения как фактор дестабилизации в новейшей истории. *История и современность* 2(32): 36–68.
- Гринин Л. Е. 2014.** Модернизационные (постмальтузианские) ловушки. *История и Математика: ежегодник*. Т. 10. *Аспекты демографических и социально-экономических процессов* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель. С. 98–127.
- Желтов В. В., Желтов М. В. 2015.** Марокко: реформирование как инструмент преодоления революционного сдвига. *Вестник Кемеровского государственного университета* 1–2(61): 138–145.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а.** Египетская революция 2011 года. *Азия и Африка сегодня* 6: 10–16; 7: 15–21.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б.** Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Кранд/URSS. С. 45–88.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С., Бурова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. 2012.** Социально-демографический анализ Арабской весны. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 3: *Арабская весна 2011 года* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 28–76.
- Косач Г. Г. 2019.** Саудовская Аравия: трансформация власти и политики. *Мировая экономика и международные отношения* 63(4): 59–67.
- Косач Г. Г. 2020.** Эпидемии и реформы: опыт Саудовской Аравии. *Международная аналитика* 11(1): 85–96.
- Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. 2017.** К периодизации политических процессов интеграции на арабском Востоке во второй половине XX в. *Общество: политика, экономика, право* 11: 32–36.
- Хайруллин Т. Р., Коротаев А. В. 2018.** Турецко-катарский альянс в борьбе за региональное лидерство. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Т. 9. *Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситу-*

аций в мир-системном аспекте / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 370–428.

Хантингтон С. 1996. *Столкновение цивилизаций*. М.: Litres.

Хохлова А. А. 2020. Существует ли «ближневосточный монархический авторитаризм» после «Арабской весны»? *Азия и Африка сегодня* 9: 64–70.

Abdul Hamid A. F. 2017. Islamic Education in Malaysia. *Handbook of Islamic Education* / Ed. by H. Daun, R. Arjmand. Cham: Springer. Pp. 751–767.

Abir M. 1988. *Saudi Arabia in the Oil Era*. Boulder: Westview Press.

Alharbi B. 2017. Citizenship Education in the Kingdom of Saudi Arabia: History and Current Instructional Approaches. *International Journal of Education and Literacy Studies* 5(4):78–89.

Bader J. 2015. China, Autocratic Patron? An Empirical Investigation of China as a Factor in Autocratic Survival. *International Studies Quarterly* 59(1): 23–33.

Bader J., Faust J. 2014. Foreign Aid, Democratization, and Autocratic Survival. *International Studies Review* 16(4): 575–595.

Banks A. S., Wilson K. 2020. *Cross-National Time-Series Data Archive*. Jerusalem, Israel: Databanks International. URL: <https://www.cntsdata.com/>.

Billingsley A. 2009. *Political Succession in the Arab World: Constitutions, Family Loyalties and Islam*. New York: Routledge.

bin Haji Mail A. H. A., bin Ampuan Hj Tengahb A. H. B., bin Hj Abu Bakar H. T. 2019. History and Development of Islamic Education in Brunei Darussalam, 1900–1983: from Home Instruction to the Religious Primary School. *International Journal of Innovation, Creativity and Change* 5(2): 1082–1101.

Bischof D., Fink S. 2015. Repression as a Double-edged Sword: Resilient Monarchs, Repression and Revolution in the Arab World. *Swiss Political Science Review* 21(3): 377–395.

Bolt J., Inklaar R., de Jong H., van Zander J. L. 2018. *Rebasing 'Maddison': New Income Comparisons and the Shape of Long-run Economic Development*. Groningen: Groningen Growth and Development Centre, University of Groningen. (Groningen Growth and Development Centre Working Paper GD-174.)

Boyle H. N., Boukamhi A. 2017. Islamic Education in Morocco. *Handbook of Islamic Education* / Ed. by H. Daun, R. Arjmand. Cham: Springer. Pp. 768–779.

- Coppedge M., Gerring J., Knutsen C., Lindberg S., Teorell J., Altman D., Bernhard M. et al. 2020.** V-Dem Dataset v9. *Varieties of Democracy (V-Dem) Project*. URL: <https://doi.org/10.23696/vdemcy19>.
- de Mesquita B., Smith A., Siverson R. M., Morrow J. D. 2003.** *The Logic of Political Survival*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Escriba-Folch A., Wright J., Wright J. G. 2015.** *Foreign Pressure and the Politics of Autocratic Survival*. Oxford: Oxford University Press.
- Ezrow N. M., Frantz E. 2011.** State Institutions and the Survival of Dictatorships. *Journal of International Affairs* 65(1): 1–13.
- Faour M. A. 2007.** Religion, Demography, and Politics in Lebanon. *Middle Eastern Studies* 43(6): 909–921.
- Faour M. 2012.** *Islamists and Education in the Arab World*. Beirut: Carnegie Middle East Center. URL: <https://carnegie-mec.org/2012/04/19/islamists-and-education-in-arab-world-pub-47885>.
- Gandhi J., Przeworski A. 2006.** Cooperation, Cooptation, and Rebellion under Dictatorships. *Economics & Politics* 18(1): 1–26.
- Gause III F. G. 1997.** The Gulf Conundrum: Economic Change, Population Growth, and Political Stability in the GCC States. *Washington Quarterly* 20(1): 142–165.
- Geddes B. 2003.** *Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Goldstone J. A. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J. A. 2002.** Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56(1): 3–21.
- Goldstone J. A., Bates R. H., Epstein D. L., Gurr T. R., Lustik M. B., Marshall M. G., Woodward M. 2010.** A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science* 54(1): 190–208.
- Grinin L. Korotayev A., Tausch A. 2019.** *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World Systems and World Values Perspectives*. Cham: Springer.
- Harris M. 2015.** *Jordan's Youth After the Arab Spring*. Sydney: Lowy Institute for International Policy.
- Heinsohn G. 2003.** *Söhne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. Zürich: Orell Füssli Verlag AG.
- Herb M. 1999.** *All in the Family: Absolutism, Revolution, and Democracy in Middle Eastern Monarchies*. Albany: SUNY Press.

- Joffé G. 2011.** The Arab Spring in North Africa: Origins and Prospects. *The Journal of North African Studies* 16(4): 507–532.
- Katz M.N. 2004.** Assessing the Political Stability of Oman. *Middle East Review of International Affairs* 8(3): 43–55.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. 2011.** A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Cliodynamics* 2(2): 276–303.
- LaGraffe D. 2012.** The Youth Bulge in Egypt: An Intersection of Demographics, Security, and the Arab Spring. *Journal of Strategic Security* 5(2): 65–80.
- Landis J. 2003.** *Islamic Education in Syria: Undoing Secularism*. Providence: Brown University.
- Lubis M. A., Mustapha R., Lampoh A. A. 2009.** Integrated Islamic Education in Brunei Darussalam: Philosophical Issues and Challenges. *Journal of Islamic and Arabic Education* 1(2): 51–60.
- MacMillan A. M. 2017.** *How Some Islamic Monarchies Use Religious Ideology to Maintain Domestic Control and Exert Regional Influence: a Comparative Study of Morocco and Saudi Arabia*. Undergraduate Honors Theses. Paper 1036. URL: <https://scholarworks.wm.edu/honorstheses/1036>.
- Magaloni B. 2008.** Credible Power-sharing and the Longevity of Authoritarian Rule. *Comparative Political Studies* 41(4–5): 715–741.
- Marghalani S. 2017.** Islamic Education in Saudi Arabia. *Handbook of Islamic Education* / Ed. by H. Daun, R. Arjmand. Cham: Springer.
- Menaldo V. 2012.** The Middle East and North Africa's Resilient Monarchs. *The Journal of Politics* 74(3): 707–722.
- Merritt R. L. 1995.** Population Imbalance and Political Destabilization. *International Political Science Review* 16(4): 405–425.
- Mesquida C. G., Wiener N. I. 1996.** Human Collective Aggression: A Behavioral Ecology Perspective. *Ethology and Sociobiology* 17(4): 247–262.
- Moller F. S. 2019.** Blue Blood or True Blood: Why are Levels of Intrastate Armed Conflict so Low in Middle Eastern Monarchies? *Conflict Management and Peace Science* 36(5): 517–544.
- Moller H. 1968.** Youth as a Force in the Modern World. *Comparative Studies in Society and History* 10(3): 237–260.
- Myerson R. B. 2008.** The Autocrat's Credibility Problem and Foundations of the Constitutional State. *American Political Science Review* 102(1): 125–139.

- Pg Haji Muhammad D. N. 2010.** *A Critical Study of the Educational System in Brunei Darussalam in the Light of Al-Attas' Philosophy of Education.* Doctoral dissertation thesis, University of Birmingham.
- Prokop M. 2003.** Saudi Arabia: The Politics of Education. *International Affairs* 79(1): 77–89.
- Schottmann S. A. 2006.** 'Melayu Islam Beraja': The Politics of Legitimation in a Malay Islamic Monarchy. *RIMA: Review of Indonesian and Malaysian Affairs* 40(2): 111–139.
- Snyder R. S. 2015.** The Arab Uprising and the Persistence of Monarchy. *International Affairs* 91(5): 1027–1045.
- Steinberg G. 2014.** The Gulf States and the Muslim Brotherhood. *Project on Middle East Political Science.* Washington, DC: Elliott School of International Affairs. URL: <https://pomeps.org/the-gulf-states-and-the-muslim-brotherhood>.
- Talib N. S. 2002.** A Resilient Monarchy: The Sultanate of Brunei and Regime Legitimacy in an Era of Democratic Nation-states. *New Zealand Journal of Asian Studies* 4(2): 134–147.
- Tansey O., Koehler K., Schmotz A. 2017.** Ties to the Rest: Autocratic Linkages and Regime Survival. *Comparative Political Studies* 50(9): 1221–1254.
- Tomé-Alonso B. 2018.** *Party of Justice and Development: A Strategy of Differentiation.* Houston: Rice University's Baker Institute for Public Policy.
- UNDP [United Nation Development Program]. 2020a.** Human Development Reports. Retrieved from <http://hdr.undp.org/en/content/gender-inequality-index-gii>.
- UNPD [United Nations Population Division]. 2020b.** The Revision of World Population Prospects. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/>.
- Urdal H. 2004.** *The Devil in the Demographics: the Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950–2000* (Social Development Papers. Conflict Prevention and Reconstruction Series. No 14). Washington, DC: World Bank.
- Urdal H. 2012.** Youth Bulges and Violence. *Political Demography: Identity, Conflict and Institutions* / Ed. by J. A. Goldstone, E. Kaufmann, M. Toft. Oxford: Oxford University Press. Pp. 117–132.
- Wiktorowicz Q. 2004.** *Islamic Activism: A Social Movement Theory Approach.* Bloomington: Indiana University Press.
- World Bank 2020.** *World Development Indicators Online.* Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>.
- Zahlan R. S. 2016.** *The Creation of Qatar.* London: Routledge.